

ОККУЛЬТНАЯ ИЛИ ТОЧНАЯ НАУКА?

Ecce Signum! Вот знак, который можно увидеть в ближайшем будущем, проблема, которая будет *тем самым* вопросом грядущего века, о котором спросит себя каждый думающий серьезный отец, заботящийся о воспитании детей в XX веке. И давайте сразу же установим, что под "Оккультной наукой" здесь не имеется ввиду ни *жизнь челы*, ни самоограничение аскета, но лишь изучение того, что может дать ключ к тайнам природы, и вскрыть проблемы вселенной и психо-физического человека — даже если кто-то не имеет склонности идти более глубоко.

Каждое новое открытие современной науки подтверждает истины древней философии. Истинный оккультист, если он движется в правильном направлении, никогда не встретится с проблемой, которую не способна разрешить эзотерическая наука; научные общества Запада же до сих пор не могут проникнуть в глубину, или объяснить со всех сторон какой-либо феномен естественной науки. Точной науке не удастся сделать это в *данном* цикле по причинам, которые будут изложены далее. Тем не менее, гордыня этого века, который восстает против проникновения в научную империю старых — и прежде всего трансцендентальных — истин, растет с каждым годом и становится все более нетерпимой. Скоро мир будет созерцать науку как бы плавающую в облаках самонадеянности, подобно новой Вавилонской башне, которая, возможно, разделит участь этого библейского памятника.

В одной современной научной работе по антропологии¹ можно прочесть следующее: "В конце концов, нам дано *знать* (?), понять, объяснить и измерить силы, которые, как утверждается, исходят от Бога... Мы сделали электричество нашим почтальоном, свет нашим рисовальщиком, сродство химических элементов нашим ремесленником" и т. д., и т. д. Это написано во французской работе. Тот, кто знает что-либо о затруднениях в точной науке, об ошибках и повседневных признаниях ее приверженцев, склоняется к тому, чтобы, после прочтения таких помпезных заявлений, воскликнуть вместе с недовольным человеком из Библии: "*Tradidit mundum ut non sciant*". Поистине, "мир предоставил им то, что *они никогда не узнают*".

О том, сколь легко могут ученые *достигать успеха* в этом направлении, можно заключить из того факта, что даже сам великий Гумбольдт мог высказывать такие ошибочные аксиомы, как например эта: "Наука начинается для человека только тогда, когда его ум подчинил МАТЕРИЮ!"² В этом выражении содержалась бы, вероятно, большая истина, если бы слово "материя" было заменено в нем на слово "дух". Но мосье Ренан не приветствовал бы тогда почтенного автора "Космоса" так, как он это сделал, если бы термин "материя" был заменен термином "дух".

Я намереваюсь привести несколько примеров, свидетельствующих о том, что знание одной лишь материи, с ее ранее "неуловимыми" силами, — какое значение не имело бы это определение для Французкой Академии наук или Королевского общества в то время, когда оно было предложено, — всего этого недостаточно для целей истинной науки. Этого никогда не будет достаточно для того чтобы объяснить самый простейший феномен даже в объективной физической природе, не говоря уж об аномальных случаях, к которым физиологи и биологи в настоящее время проявляют такой большой интерес. Как высказал в своей работе отец Сеччи, знаменитый римский астроном:³ "Если бы были доказаны лишь некоторые из *новых* сил, это с необходимостью повлекло бы за собой допущение в эту область агентов *совсем иного рода*, чем силы гравитации".

"Я прочел немало об оккультизме и изучил каббалистические книги: я не понял в них ни одного слова!" — таково замечание, сделанное недавно ученым экспериментатором, специалистом по "передаче мысли", "цвето-звукам" и т. п.

Очень может быть. Надо изучить буквы, прежде чем иметь возможность говорить и читать, или понимать что написано.

Лет сорок назад я знала ребенка — маленькую девочку семи или восьми лет — которая пугала своих родителей, говоря:

"Теперь, мама, я люблю тебя. Ты очень хорошая и добрая по отношению ко мне сегодня, твои слова *совсем голубые*"...

"Что ты имеешь в виду?" — спрашивала мать.

"Твои слова совсем голубые, потому что они такие ласковые, но когда ты ругаешь меня, то *они красные*... такие красные! Но самое плохое, когда вы ссоритесь с папой, потому что тогда они оранжевые... ужасные... как это"...

И ребенок показал на камин с сильно шумящим огнем и огромными языками пламени. Мать побледнела.

После этого восприимчивой девочке очень часто слышались ассоциации звуков и цветов. Мелодия, которую ее мать играла на пианино, приводила ее в экстаз; она объясняла, что видит "такие прекрасные радуги"; когда играла ее тетя, это были "фейрверки и звезды", "звезды, выстреливаемые из ракетниц... и затем взрывающиеся".

Родители были испуганы и подозревали, что что-то произошло с мозгом ребенка. Был вызван семейный доктор.

"Избыток детской фантазии", — сказал он. — "Невинные галлюцинации... Не давайте ей пить чай и сделайте так, чтобы она больше играла со своими маленькими братьями — боролась бы с ними и имела какие-нибудь физические упражнения..."

И он удалился.

В большом русском городе, на берегу Волги, стоит больница с примыкающим к ней сумасшедшим домом. Здесь жила бедная женщина, которая содержалась здесь более двадцати лет, то есть, фактически, до самой смерти, как "безобидная", хотя и *душевнобольная* пациентка. Никаких иных доказательств ее безумия нельзя было найти в истории болезни за исключением того, что плеск и бормотание волн на реке вызывало у нее видение "Божественной радуги"; а голос суперинтенданта заставлял ее видеть "черное и темно-красное" — *цвета Дьявола*.

Примерно в то же время, в 1840 году, французские газеты сообщали о чем-то сходном с этим феноменом. Такое аномальное состояние чувств — как думали тогда врачи — могло быть связано лишь с одной причиной; такие *впечатления*, если они проявлялись без какой-либо *явно прослеживаемой* причины, приписывались слабому мозгу и болезненно разбалансированному уму, с большой вероятностью приводящему такого человека к лунатизму. Таково было *утверждение* науки. Взгляды набожно настроенных людей, подтверждавшиеся уверениями местного кюре, склонялись к иному способу объяснения. Мозг ничего не мог поделать с этим "наваждением", потому что это были просто проделки "старого джентльмена" с раздвоенными копытами и сверкающими рогами. Как ученые люди, так и суеверные "порядочные женщины", должны были в какой-то мере изменить свои взгляды с 1840 года.

Даже в тот ранний период и до того, как "роchesterская" волна спиритуализма охватила значительную часть цивилизованного общества Европы, было показано, что то же самое явление можно вызвать посредством различных наркотиков и химических веществ. Некоторые отважные люди, которые не боялись ни обвинений в лунатизме, ни той неприятной перспективы, что их будут рассматривать как заключенных в "тенётах Дьявола", проделали опыты и публично объявили об их результатах. Одним из них был Теофиль Готье, знаменитый французский писатель.

Немного найдется знакомых с французской литературой того времени, кто бы не знал очаровательную историю, рассказанную этим автором, в которой он описывает видения человека, принявшего опиум. Чтобы проанализировать собственные *впечатления*, он принял большую дозу *гашиша*. "Мой слух", — пишет он, — "приобрел удивительные способности: я *слышал музыку цветов*; звуки — зеленые, красные и голубые — втекали в мои уши ясно *различимыми* волнами *запаха и цвета*. Опрокинутый стакан, скрип кресла, слово, сказанное шепотом, вибрировали и звучали *внутри меня* как многочисленные удары грома. При самом легком прикосновении к какому-либо предмету — мебели или человеческому телу — я слышал длительные звуки, вздохи, подобные мелодичным вибрациям эоловой арфы..."⁴

Без сомнения, силы человеческой фантазии велики; безусловно, иллюзии и галлюцинации могут быть созданы естественным или искусственным путем в течение короткого или длинного периода времени в мозгу самого здорового человека. Но существуют также естественные феномены, не укладывающиеся в эту "аномальную" группу; и они должны в конце концов привлечь к себе внимание научных умов. Явления гипнотизма, передачи мыслей, вызывания чувства, смешиваясь друг с другом и проявляя свою оккультную сущность в нашем

феноменальном мире, в конце концов смогли привлечь к себе внимание нескольких выдающихся ученых. Под руководством знаменитого доктора Шарко, из госпиталя св. Петра в Париже, несколько знаменитых ученых во Франции, России, Англии, Германии и Италии занялись исследованием этих явлений. Более чем 15 лет они проводили эксперименты, исследовали и теоретизировали. И каков результат? Единственное объяснение данное публике, тем людям, которые жаждут познакомиться с истинной, сокровенной природой этих явлений, с их причинами и происхождением, заключается в том, что чувствительные люди, обнаруживающие такие феномены, являются истериками! Нам говорят, что они *психопаты*⁵ и *неврастеники*,⁶ — и нет никакой иной причины, лежащей в основе бесполезного разнообразия этих проявлений, кроме как причины физиологического характера.

Это выглядит удовлетворительным в настоящее время, и вполне возможно, что и в будущем.

Таким образом, "истерической галлюцинации" суждено стать, по-видимому, *альфой* и *омегой* всякого феномена. В то же время, наука определяет термин "галлюцинация" как "ошибку наших *органов чувств*, которая влияет и на наш *интеллект*".⁷ Такие галлюцинации чувствительного человека, вызванные, например, появлением "астрального тела", переживаются не только "*интеллектом*" этого человека (или медиума), но и воспринимаются сходным образом чувствами присутствующих. Следовательно, можно заключить, что все эти свидетели также являются *истериками*.

Мы видим, что мир находится в опасности в том смысле, что в конце этого столетия он может превратиться в огромный сумасшедший дом, в котором лишь ученые-физики будут представлять собой *здоровую* часть человечества.

Из всех проблем медицинской философии, галлюцинация представляет собой наиболее трудноразрешимую, от которой трудно отделаться. Это едва ли могло бы быть иначе, поскольку она является одним из таинственных результатов нашей двойственной природы, мостом, переброшенным через пропасть, которая отделяет мир материи от мира духа. Оценить или познать *ноумен* в ее феноменах не может никто кроме тех, кто стремится на другую сторону. Несомненно, проявления сбивают с толка всякого, кто свидетельствует о них впервые. *Галлюцинация*, являясь для материалиста доказательством творческой способности, *потенцией* человеческого духа, *воплощая* для деятеля церкви "чудеса" и объясняя *сверхъестественным* путем простейшие эффекты естественных причин, не может быть до сих пор принята за то, чем она является на самом деле, и вряд ли можно настаивать на принятии материалистической или церковной позиции, поскольку одна из них столь же сильна в ее отрицании, так же как другая — в ее подтверждении. "Галлюцинация", — говорит авторитетный источник, цитируемый Бриером де Буамоном,⁸ — "это воспроизведение материального признака идеи". Галлюцинация, как говорят, не имеет отношения к возрасту и добродетелям; или, если фатальный эксперимент чего-нибудь вообще стоит, то можно сказать, что: "врач, который уделил бы ей слишком много внимания, или изучал бы ее очень долгое время и *очень серьезно*, мог бы быть уверен, что он кончит свою карьеру среди своих собственных пациентов".

Это является дополнительным доказательством того, что "галлюцинацию" вряд ли когда-либо изучали "слишком *серьезно*", поскольку самопожертвование вовсе не является примечательной чертой нашего века. Но *если* она столь опасна, почему бы нам не позволить себе такое смелое и непочтительное предположение, что биологи и физиологи школы д-ра Шарко стали жертвой собственной *галлюцинации*, основанной на односторонней научной идее о том, что все исследовавшиеся ими феномены галлюцинаций обусловлены *истерией*?

Как бы там ни было, по причине *коллективной галлюцинации* наших медицинских светил или импотенции материалистической мысли, этот простейший феномен, *признанный* и исследованный людьми науки в 1885 году, остается столь же необъясненным ими, как это было в 1840 году.

Если даже принять, что кое-кто из обывателей, помимо огромной почтительности (доходящей до *фетишизма*), действительно примут утверждение ученых о том, что каждое явление, каждое "аномальное" проявление обусловлено выходками *эпилептической истерии*, — то что же остается делать остальной публике? Должны ли они верить, что грифель м-ра Эглинтон, движущийся *сам по себе*, также действует в припадке эпилепсии, как и его медиум, хотя бы он даже и *не касался его*? Или, что пророческие высказывания провидцев, великих апостолов всех веков и религий, были просто патологическими результатами истерии? Или, опять-таки, что "чудеса" Библии, а также Пифагора, Аполлония и других, принадлежат к тому же семейству *аномальных* проявлений, как и галлюцинации мадемуазель Альфонсины (или как бы ее ни называли) у д-ра Шарко, и ее эротических описаний и поэтических опусов, "вследствие *наполнения газами ее большой кишки*" (дословно)? Такая претензия, по-видимому, обречена на неудачу. Прежде всего следовало бы объяснить саму "галлюцинацию", когда она в действительности имеет физиологическую причину, — но *это никогда не было сделано*. Выбрав случайным образом некоторые из множества определений, данных видными французскими медиками (у нас нет под рукой соответствующих английских), мы хотели бы спросить — а что на основании их мы можем узнать о "галлюцинации"? Мы привели выше "определение" (если его можно так назвать) д-ра Бриера де Буамона; рассмотрим еще некоторые из них.

Д-р Лелю называет ее — "безумие в *ощущениях и восприятии*"; д-р Чомиль — "общая иллюзия *ощущения*";⁹ д-р Лере — "иллюзия, промежуточная между ощущением и представлением" ("Психологические фрагменты"); д-р Мишо — "сумасшествие восприятия" ("Иллюзия чувств"); д-р Калмель — "иллюзия, вызванная неправильным изменением нервной ткани" ("Безумие", т. I) и т. д., и т. д.

Я сожалею, что все вышеприведенные мнения не сделали мир мудрее, чем он есть. Со своей стороны, я верю, что теософы сохранили старое определение галлюцинации (теофании)¹⁰ и безумия, которое было создано около двух тысячелетий назад Платоном, Вергилием, Гиппократом, Галеном и медицинскими и теологическими школами древних. "Есть два вида безумия, один из которых создается телом, а другой посылается нам *богами*".

Около десяти лет назад, когда я писала "Разоблаченную Изиду", наиболее важной целью работы являлась демонстрация следующего: (а) реальность *оккультного* в природе; (б) тщательное ознакомление со всеми оккультными сферами у "определенных людей" и мастерством в этой области; (в) недостаточность искусства или науки нашего времени, которые даже не упоминают Веды; (г) что сотни вещей, особенно тайн природы, — *in abscondito*, как это называли алхимики, — были известны ариям в домахабхаратовский период, и они же неизвестны нам, современным мудрецам XIX века.

Новое доказательство этого поступает сейчас. Оно является результатом некоторых современных исследований во Франции, проведенных учеными "*специалистами*" (?) в связи с тем смещением цвета и звука, *музыкальных и цветовых впечатлений*, которое наблюдается у некоторых "невротиков и психоманьяков".

Д-р Ньюбемер впервые начал исследовать этот особый феномен в Австрии в 1873 году. После него он начал серьезно изучаться в Германии Блавером и Леманном, в Италии — Велларди, Барегги и некоторыми другими, и в наше время — д-ром Педронно во Франции. Однако, наиболее интересные сообщения о *цвето-звуковых* феноменах можно найти в статье А. де Роша ("La Nature", 1885, No. 626, стр. 406 и далее), который работал с неким джентльменом по имени "Н. Р."

Далее следует короткое резюме этой работы.

Н. Р. — это человек 57 лет, адвокат по профессии, проживающий ныне в предместье Парижа, страстный любитель естественных наук, которые он изучал очень серьезно, любитель музыки, хотя и не являющийся сам музыкантом, путешественник и крупный лингвист. Н. Р. никогда не читал чего-либо о том удивительном явлении, которое приводит к тому, что некоторые люди сочетают звук и цвет, но он был подвержен этому с самого детства. Любое описание чего-либо, воспринимаемое на слух, возбуждало в нем цветовые впечатления. Так, звучание гласных вызывало у него: буква **A** казалась ему темно-красной, **E** — белой, **I** — черной, **O** — желтой, **U** — голубой; **Ai** — цвет грецкого ореха, **Ei** — бледно-серый, **Eu** — светло-голубой, **Oi** — темно-желтый, **Ou** — желтоватый. Почти все согласные имели темно-серый цвет, тогда как гласная или дифтонг, образуя вместе с согласной слог, окрашивала этот слог своим собственным цветом. Таким образом, **ba, ca, da** — все имеют серо-красный цвет, **bi, ci, di** — цвет золы, **bo, co, do** — желто-серый и т. д. **S** в конце слова, произносимый как шипящая, подобно испанским словам *los compo*s, придает слогу, который ему предшествует, металлический блеск. Цвет слова зависит таким образом от цвета образующих его букв, поэтому человеческая речь представляется Н. Р. в виде многоцветных пестрых лент, выходящих изо рта человека, цвета которых определяются окраской гласных, отделенных друг от друга сероватыми полосками согласных.

В свою очередь, разные языки приобретают общую окраску благодаря тем буквам, которые доминируют в каждом из них. Например, немецкий, в котором много согласных, производит в целом впечатление темно-серого мха; французский выглядит серым, сильно смешанным с белым; английский кажется почти черным;

испанский кажется много цветным с преобладанием желтого и ярко-красного оттенков, итальянский — желтым, смешанным с алым и черным, но с более тонкими или гармоничными сочетаниями оттенков, чем испанский.

Низкий голос производит у Н. Р. впечатление темно-красного цвета, постепенно переходящего в цвет шоколада, а пронзительный звонкий голос предполагает голубой цвет; голос, расположенный между этими двумя крайними вариантами, воспринимается как очень светлый желтый.

Звуки инструментов также имеют характерные для них цвета: звуки пианино и флейты окрашены в голубой, виолончель — в черный, гитара в серебристо-серый и т. д.

Названия музыкальных нот, произнесенных вслух, влияют на Н. Р. также, как слова. Окраска поющего голоса зависит от его высоты и диапазона, а также от аккомпанирующего инструмента.

Так обстоит дело и с *образами*, произносимыми вслух; но при чтении в уме они окрашиваются для него в тот цвет, которым они написаны или напечатаны. Таким образом форма сама по себе не имеет ничего общего с этими цветовыми феноменами. Тогда как эти впечатления в общем не имеют места вне его самого, но осуществляются в его собственном мозгу, известны и другие чувствительные люди, обнаруживающие еще более любопытные феномены, чем "Н. Р."

Помимо интересной главы, написанной по этому вопросу Гальтоном в его книге "Проблемы человеческих способностей и их развития", мы находим в "London Medical Record" следующее описание впечатлений чувствительного человека: "Как только я *слышу* звуки гитары, я *вижу* колеблющиеся струны, окруженные цветными парами". Пианино вызывает то же самое: "цветные образы начинают парить над клавишами". Один из пациентов д-ра Педронно в Париже¹¹ постоянно имеет цветные впечатления *вне* его самого. "Как только я слышу хор, составленный из нескольких голосов", — говорит он, — "я *чувствую* большое количество цветных точек, парящих над головами певцов. Я чувствую их, потому что мои глаза не получают определенного ощущения; тем не менее я вынужден *смотреть* на них, и когда я *исследую* их, я чувствую себя смущенным, потому что я не могу найти эти ярко светящиеся точки там, где я на них *смотрю*, или скорее там, где я их *чувствую*".

Наоборот, имеются чувствительные люди, у которых при виде цвета немедленно возникает звуковое ощущение, а также такие, у которых одно особое ощущение создает два других. Некий чувствительный человек не может слышать ударный инструмент без того, чтобы не почувствовать вкус меди во рту во время концерта, и при этом он видит также темно-золотые облака.

Наука исследует такие проявления, признает их реальность и, тем не менее, остается бессильна объяснить их. "*Невроз и истерия*" — это единственный ответ, который можно получить; "собачьи галлюцинации" французских академиков, упоминаемые в "Изиде", до сих пор сохраняют свою ценность в качестве объяснения или *универсальной разгадки* всех подобных феноменов. Но все это

кажется естественным, а именно то, что наука бесспорно не способна объяснить этот своеобразный феномен ассоциации *света* и *звука*, поскольку ее теория света сама по себе никогда не была целиком доказана и не является до сих пор полностью завершенной.

Пусть наши ученые оппоненты еще немного поиграют в жмурки среди феноменов, находясь без каких-либо оснований на своих вечных физиологических позициях. По-видимому, недалеко то время, когда они будут вынуждены изменить свою тактику или признать себя побежденными даже в случае таких *элементарных* феноменов, как вышеописанные. Но что бы ни сказали или ни сделали физиологи, каковы бы ни были их научные объяснения, гипотезы или заключения в настоящем или в будущем, современные феномены находят свое истинное объяснение при обращении к древним Ведам и другим "Священным книгам Востока". Ибо весьма несложно показать, что ведийские арии были хорошо знакомы со всеми такими тайнами звука и света. *Мысленные* корреляции между "зрением" и "слухом" были в то время столь же известным фактом, как и в наше время, когда человек смотрит на находящиеся перед ним объективные предметы в полдень широко раскрытыми глазами.

Любой изучающий оккультизм, даже самый молодой *чела*, который начал *эзотерически* читать свои Веды, может предположить, что на самом деле означает этот феномен; это просто *циклическое возвращение человеческих организмов к их примитивной форме* во время третьей, или даже четвертой коренных рас так называемого допотопного периода. Все говорит в пользу этого, даже исследования таких точных наук, как филология и сравнительная мифология. Со времен седой античности, с периода самого глубокого упадка великих цивилизаций этих рас, предшествовавших нашей пятой расе, следы которых лежат сейчас на самом дне океанов, было известно явление, о котором идет речь. То, что сейчас рассматривается как аномальное явление, было, скорее всего, нормальным для допотопного человечества. И это не пустые слова, чему свидетельством являются два нижеприведенных доказательства.

Благодаря многочисленным данным, полученным в лингвистических исследованиях, филологи начинают поднимать свои голоса и указывать на некоторые наводящие на мысль, хотя и не объясненные до сих пор, факты. 1). Все слова, указывающие на восприятие человеком *света* и *звука* и на связанные с ними понятия, как было показано, *происходят от одних и тех же корней*.¹² 2). В свою очередь, *мифология* обнаруживает очевидный закон (единообразие которого исключает возможность случайности), который привел древних символистов к тому, чтобы представлять всех своих богов *солнца* и все свои *лучезарные* божества — таких как Утренняя Заря, Солнце, или Аврора, Феб, Аполлон и так далее — связанными тем или иным образом с музыкой и пением, то есть со *звуком*, и ассоциированными также с сиянием и цветом.¹³

Если это можно рассматривать только лишь как предположение, то существует и лучшее доказательство в Ведах, где такие понятия, как "звук" и "свет", "слышать" и "видеть", *всегда связаны друг с другом*. В гимне X, 71, 4-й стих, мы читаем: "Кто-то, *хотя и смотрит, не видит речи*, а другой, *хотя и видит, не слышит ее*". И опять-таки в седьмом стихе, в котором встреча друзей представлена как

соревнование друг с другом в пении, они характеризуются двумя определениями, помещенными рядом друг с другом, — *акшаванта* и *карнаванта*, — то есть "тот, кто снабжен глазами" и "тот, кто снабжен ушами". Последнее естественно — певец имеет *хороший музыкальный слух*, и этот эпитет вполне уместен в свете музыкального состязания. Но какой же смысл может иметь в этом случае акшаванта, то есть хорошее зрение, помимо того, что имеется связь и смысл, не объясненные до сих пор, поскольку этот гимн относится к зрению в тем времена, когда *зрение* и *слух* были синонимичными понятиями? Более того, филолог и начинающий приобретать известность ориенталист¹⁴ говорит нам, что "глагольный санскритской корень *arc* имеет два значения — *петь* и *светиться*, то есть испускать лучи. Существительные *rc* и *arka*, производные от корня *arc*, используются для обозначения, во-первых, *песни* и *гимна*, и во-вторых, *сверкания*, *луча*, *солнца*... По представлениям древних, *речь могла быть видимой*"... — объясняет он. Что скажет на это Эзотерическая доктрина, дающая универсальное решение всем научным проблемам и тайнам? Она отошлет нас к главе об "Эволюции Рас", в которой древний человек показан в процессе его эволюции, протекающей в физическом плане путем развития одного чувства в каждой из последующих рас (которых всего семь), начиная с первой Коренной расы в течение 4-го цикла на этой планете.¹⁵ *Человеческая* речь, как нам известно, возникла в коренной расе, предшествовавшей нашей — *четвертой*, или расе "атлантов", — в самом ее начале, в первой подрасе; и одновременно с ней развилось зрение — как физическое чувство — тогда как другие четыре чувства (с двумя дополнительными — шестым и седьмым — о которых наука пока ничего не знает) — оставались в своем латентном, недоразвитом состоянии в физическом смысле, хотя они и были полностью развиты в духовном отношении. Наше чувство *слуха* развилось только в третьей подрасе. Таким образом, если человеческая "речь" — из-за отсутствия чувства слуха — была вначале даже чем-то меньшим чем то, что мы сейчас могли бы назвать как шепот, поскольку это было скорее мысленное произнесение звуков, чем что-либо другое, что-то похожее на те системы, которые разработаны сейчас для глухих и немых, то легко понять, как, начиная с тех далеких дней, "речь" становилась связанной со "зрением", или, другими словами, люди могли понимать друг друга и *говорить* с помощью одного лишь *зрения* и *прикосновения*. "Звук видишь до того, как он услышан", — говорится в книге *Гью-дэ*. Вспышка молнии предшествует удару грома. По мере того как движется время, человечество все ниже и ниже погружается в *материальное*, физическую пелену, закрывающую духовное, до тех пор, пока весь набор чувств — который сформировал во время первых трех коренных рас лишь одно Чувство, а именно *духовное восприятие*, — в конце концов окончательно распадается, образуя таким образом пять отдельных чувств...

Но мы принадлежим к пятой расе и уже миновали верхнюю точку цикла нашей подрасы. Со временем, когда эти явления и увеличение числа чувствительных организмов в нашем веке будут доказаны, это человечество будет быстро двигаться по пути чистой духовности и достигнет вершины (*нашей* расы) в конце седьмой подрасы. Выражаясь более ясно и *полно* (я боюсь, что более *ясно* и *полно* — лишь для некоторых теософов), мы должны быть в этот период на том же уровне духовности, который был свойственен и естественен для первой подрасы третьей коренной расы 4-го цикла; и вторая половина его (то есть

та, в которой мы сейчас находимся), согласно с законом соответствия, будет протекать параллельно с *первой* половиной 3-его цикла. По словам того, в ком живут Истина и Мудрость (хотя Его слова часто недопонимают и критикуют не только невежественные люди, но даже некоторые теософы), "в первой половине 3-его цикла примордиальная духовность человека померкла вследствие ее омрачения нарождающейся ментальностью"; человечество находилось в первой половине этого цикла в *фазе спада*, а во второй половине — в фазе роста: это значит, что "его (человека) *гигантская* фигура уменьшилась, а его тело улучшилось по своей структуре; и он стал более разумным существом, хотя и все еще более близким к человекообразной обезьяне, чем к бого-человеку". И если это так, то, согласно тому же самому закону соответствия, неизбежному в системе циклов, мы должны придти к следующему заключению: что последняя половина нашего цикла (соответствующая, как это показано, первой половине 3-его цикла) должна снова стать покрытой возрождающейся "примордиальной" духовностью, которая в конце 4-го цикла почти затмит нашу действительную ментальность, то есть холодный *человеческий* Разум.

На основе того же закона соответствий — как это будет показано и подробно объяснено в "Тайной Доктрине", которая вскоре будет опубликована, — цивилизованное человечество скоро начнет обнаруживать себя менее "рациональным" в *мирском плане*, и, во всяком случае, скорее бого-подобными, чем "похожими на обезьян" — какими мы являемся, к нашему глубокому сожалению, сейчас.

Я могу закончить замечанием о том, что, поскольку наши естественные склонности, являющиеся все еще "обезьяноподобными", вынуждают нас (в индивидуальном и коллективном аспекте) опасаться, что мы будем выброшены общественным мнением из той области, где все небольшие тела притягиваются к центру нашей общественной солнечной системы — к Науке и ее авторитетам, — то следует изыскать какое-либо средство против такого бедственного положения дел. Поэтому я намереваюсь показать в этой статье, что, поскольку мы находимся лишь в пятой подрасе Пра-расы, и никто из нас не доживет до седьмой, когда все улучшится естественным путем, — то не имеет смысла возлагать наши надежды на науку, будь она ортодоксальной или полуеретической. Люди науки не могут помочь миру понять основную причину явлений, которую им невозможно будет объяснить даже самим себе, поскольку они находятся в этом цикле. Они не смогут ни понять, ни объяснить ее, так же как и все остальные, не знакомые с оккультизмом и скрытыми законами, которые управляют природой и человечеством. Люди науки беспомощны в этом случае, и несправедливо обвинять их в дурных намерениях, или в отсутствии доброй воли, как это часто делается. Их *рациональность* (которую в этом случае следует рассматривать как *интеллект*, но не разум) никогда не может помочь им обратить свое внимание на оккультное исследование. Поэтому бесполезно требовать или ожидать от ученых нашего века того, что они абсолютно неспособны сделать для нас, до тех пор, пока следующий цикл не изменит полностью их *внутреннюю* природу путем "усовершенствования структуры" их духовного ума.

Выше уже было отмечено, что ни медицинские факультеты, ни научные организации в области физических наук ни в коей мере не могут объяснить *primum*

mobile, или основную причину даже простейшего явления, за исключением причин чисто физиологического характера; и если они не обратятся за помощью к оккультизму, они будут повергнуты ниц еще до конца XX столетия.

Это кажется чересчур смелым утверждением. И тем не менее оно полностью подтверждается заявлениями некоторых авторитетов в области медицины о том, что *никакое явление не существует, если оно не вызвано физиологическими и чисто физическими причинами*. Они могли бы перевернуть это заявление и сказать, что *никакое окончательное исследование невозможно, если оно основано лишь на физиологических и физических причинах*. Это было бы правильно. Они могли бы добавить также, что, будучи людьми точной науки, они не могут использовать других методов исследования. Поэтому, проводя свои опыты в определенных рамках, они могли бы воздерживаться от того, чтобы объявлять о решении *своей* задачи. В этом случае эти явления могли бы перейти в ведение трансценденталистов и философов, рассуждающих о них. Если бы они высказывались в таком чистосердечном духе, никто не имел бы права упрекать их в том, что они не выполняют своего долга: ибо они сделали бы максимум того, что могут в данных обстоятельствах, и, как это будет сейчас показано, они и не могли бы сделать большего. Однако, в наше время врачи, которые сводят все к "невропатии", препятствуют прогрессу истинно психологического познания. Пока имеется отверствие, хотя и очень небольшое, для проникновения луча от высшего Эго человека, изгоняющего темноту чисто материалистических концепций из месторасположения его интеллекта, и заменяющего ее светом, исходящим из того плана бытия, который совершенно неизвестен обычным чувствам, — эти врачи никогда не будут иметь полного успеха. И, поскольку, для того, чтобы все такие аномальные случаи проявились для наших физических и духовных чувств, другими словами, для того, чтобы они стали объективными, — для этого порождающие их причины всегда должны быть смешаны между двумя сферами, или планами бытия — физическим и духовным, — то вполне естественно, что материалист будет различать лишь те из них, с которыми он знаком, и останется слеп ко всем остальным. Нижеследующий пример сделает это ясным для всякого интеллектуального читателя.

Когда мы говорим о свете, тепле, звуке и т. д., — что мы имеем ввиду? Каждое из этих естественных явлений существует *per se* [само по себе]. Но для нас оно не существует независимо от наших органов чувств, и оно существует только в той степени, в какой воспринимается соответствующими ему чувствами. Ни в коей мере не будучи глухими или слепыми, некоторые люди обладают гораздо менее острым слухом и зрением, чем окружающие; и это хорошо известный факт, что наши чувства могут развиваться и быть подвергнуты тренировке так же, как и наши мышцы, — посредством упражнений. Это старая аксиома: нужен глаз для того, чтобы солнце могло проявить свой свет; и хотя солнечная энергия существует начиная с первой вибрации нашей манвантары и будет существовать вплоть до мертвящего дыхания пралайи, все же, если определенная часть этой энергии не произведет в нас те изменения, которые мы называем восприятием света, то киммерийская тьма заполнит космос, и мы будем отрицать само существование солнца. Наука делает различие между двумя энергиями — тепловой и световой. Но та же самая наука учит нас, что создание, или существо, в

котором соответствующие внешние воздействия произвели бы одинаковые изменения, не смогло бы обнаружить какую-либо разницу между теплом и светом. С другой стороны, то создание, или существо, в котором темные лучи солнечного спектра вызвали бы изменения, которые в нас производятся яркими лучами, увидело бы свет там, где мы не видим ничего.

А. Бутлеров, профессор химии и выдающийся ученый, дает нам много примеров такого рода. Он указывает на наблюдения, сделанные Джоном Леббоком в отношении чувства цвета у муравьев. Этот выдающийся ученый обнаружил, что муравьи не позволяют своим яйцам оставаться на свету, и немедленно уносят их из освещенного участка в темное место. Но когда луч *красного* цвета был направлен на эти яйца (личинки), муравьи не трогали их, как если бы они были в полной темноте: они хранят свои яйца независимо от того, падает ли сверху красный свет, или же существует полная темнота. Красный свет для них как бы не существует: поскольку они его не видят, он для них все равно, что темнота. Впечатления, оказываемое на них яркими лучами, очень слабы, особенно, если они близки к красному, то есть в оранжевой и желтой части спектра. Наоборот, они кажутся исключительно восприимчивыми к таким лучам, как голубой, синий и фиолетовый. Когда их гнезда освещали частично фиолетовым и частично красным светом, они немедленно переносили свои яйца из фиолетовой в красную область. Таким образом, для муравья наиболее яркими из всех лучей солнечного спектра являются фиолетовые, поэтому их чувство цвета совершенно противоположно аналогичному чувству человека.

Этот контраст еще более усиливается благодаря другому факту. Помимо видимой части солнечного спектра, в нем содержатся так называемые тепловые лучи (инфракрасные) и химические (ультрафиолетовые). Мы не видим ни тех, ни других, и называем их невидимыми *лучами*; муравьи же воспринимают их прекрасно. Поскольку, как только их яйца подвергаются действию этих невидимых лучей, муравьи утаскивают их из этого совершенно темного (для нас) поля в то, которое освещено *красным* светом; таким образом, для них *химические лучи являются фиолетовыми*. "Благодаря такой особенности, предметы, которые видят муравьи, выглядят для них совершенно по-другому, чем для нас; очевидно, что эти насекомые обнаруживают в природе такие цвета и оттенки, о которых мы не имеем и не можем иметь ни малейшего понятия. Примем на мгновение, что в природе существуют такие объекты, которые поглощали бы все лучи солнечного спектра и отражали бы только химические лучи: такие предметы остались бы *совершенно невидимыми для нас*, тогда как муравьи воспринимали бы их очень хорошо", — говорит этот профессор.

И опять-таки, пусть читатель вообразит на мгновение следующее: что во власти человека имела бы такая возможность, с помощью тайных знаний, во-первых, изготовить некий "предмет" (назовем его *талисманом*, если угодно), который, удерживая на тот или иной период времени лучи "солнечного спектра" в некоторой определенной точке, позволит владеющему им оставаться невидимым для всех, поскольку он помещает и удерживает себя внутри химических, или невидимых лучей спектра; и во-вторых, наоборот, приобрести способность с помощью тех же самых невидимых лучей видеть то, что обычный человек, не имеющий такого "талисмана", никогда не сможет увидеть своим обычным

невооруженным глазом! Это может быть простым предположением, или же серьезным утверждением, о чем знают все люди науки. Они протестуют лишь против того, что называется существующим сверхъестественно, то есть выше *их* Природы или вне ее; они не имеют права возражать против принятия *сверхчувственного*, поскольку оно показывает ограниченность нашего чувственного мира.

То же самое хорошо видно и в акустике. Многочисленные наблюдения показали, что муравьи совершенно глухи к тем звукам, которые мы слышим; но это вовсе не является поводом для того, чтобы мы думали, что муравьи вообще не имеют слуха. Совсем наоборот; основывая свое утверждение на многочисленных наблюдениях, тот же ученый полагает, что необходимо признать тот факт, что муравьи слышат звуки, "но только не те, которые можем воспринимать мы сами".

Каждый орган слуха чувствителен к вибрациям определенной частоты, но в случае различных творений такие частоты могут очень легко не совпадать. И это верно не только в отношении тех существ, которые полностью отличаются от людей, но даже и у тех смертных, которые имеют необычную организацию — *ненормальных*, как их называют — либо естественным образом, либо посредством тренировки.¹⁶ Наше *обычное* ухо, например, не воспринимает вибрации превосходящие 38 000 колебаний в секунду, в то время как органы слуха не только муравьев, но также и некоторых смертных — *тех, кто знает способ предохранения среднего уха от причинения ему вреда, и способ возбуждения определенных взаимосвязей в эфире* — могут быть очень чувствительны к вибрациям много превышающим 38 000 колебаний в секунду; таким образом, такой орган слуха, — "ненормальный" лишь в рамках точной науки, — может давать своему хозяину (человеку или муравью) возможность наслаждаться звуками и мелодиями природы, которые среднее ухо обычного человека вовсе не воспринимает. "Там, где для наших органов чувств царит глубокое молчание, тысячи разнообразных звуков могут доставлять удовольствие слуху муравья", — говорит профессор Бутлеров,¹⁷ цитируя Леббока; — "и эти крошечные, смысленные насекомые могут, таким образом, рассматривать нас с теми же основаниями, как и мы их, — то есть, как глухих и полностью неспособных наслаждаться музыкой природы, только лишь потому, что они остаются невосприимчивы к звукам выстрела, человеческого крика, свиста и т. п.".

Вышеприведенные примеры убедительно показывают, что научное знание о природе неспособно соответствовать полностью и целиком всему тому, что существует в ней и может быть обнаружено. Даже не пересекая границ иных разнообразных сфер и планет и оставаясь строго в пределах нашего земного шара, становится очевидно, что в нем существуют тысячи и тысячи вещей, которые невидимы, неслышимы и неощутимы для обычных человеческих органов чувств. Но если мы примем, только в качестве аргумента, что может существовать — в стороне от сверхъестественного — наука, которая обучает смертных тому, что может быть названо сверхчувственной химией и физикой; выражаясь яснее — *алхимией и метафизикой конкретной*, а не абстрактной, природы, — то многие затруднения исчезнут. Ибо тот же профессор доказывает: "Если мы видим свет там, где другое существо пребывает погруженным во тьму; и не видим *ничего* там, где оно испытывает воздействие световых волн; если мы слышим один вид звуков

и остаемся глухими к другому виду, который, тем не менее, слышат крошечные насекомые — не ясно ли то, что не природа в ее, так сказать, первичном незащищенном виде, является предметом изучения нашей науки и ее анализа, но просто те изменения, чувства и восприятия, которые она в нас пробуждает? И лишь в соответствии с этими изменениями мы можем делать наши заключения о внешних вещах и природных силах, и таким образом создается нами самими представление об окружающем нас мире. То же самое и в отношении какого-либо "ограниченного" существа: суждение о внешнем складывается только благодаря изменению, которое создается в нем таким же образом".

И то же, мы думаем, относится и к материалисту: он может судить о психических феноменах только по их внешнему виду, и никакое изменение не создается (и не может быть создано) в нем для того, чтобы открыть его внутренний взор для духовного аспекта этих явлений. Невзирая на обоснованную позицию ряда выдающихся деятелей науки, которые, будучи убежденными в истинности "духовных явлений", стали спиритуалистами; несмотря на то, что они — подобно профессорам Уоллесу, Хэеру, Цельнеру, Вагнеру, Бутлерову — использовали по этому поводу все аргументы, которые могли предложить им их большие познания, — их оппоненты все же имели до сих пор лучшие аргументы. Некоторые из них не отрицают факт появления феноменов, но считают, что основным моментом в этом великом споре между трансценденталистами спиритуализма и материалистами является просто природа *действующей силы*, *primum mobile* или движущей энергии. Они настаивают на таком основном пункте: спиритуалисты неспособны доказать, что это действие производится *разумными духами* или *бестелесными человеческими существами* "так, чтобы удовлетворить требованиям точной науки, или неверующей публики по существу этого вопроса". Если смотреть с этой точки зрения, то их позиция представляется неуязвимой.

Читатель-теософ легко поймет, что не является существенным, есть ли это отрицание просто "духов" или какого-либо другого разумного существа, будь оно человеческим, недочеловеческим, или сверхчеловеческим, или даже Силой — если это неизвестно науке, или *a priori* отрицается ей. Ибо она пытается точно ограничить такие проявления только теми силами, которые находятся в сфере естественных наук. Коротко говоря, она категорически отрицает возможность математически доказать то, в отношении чего спиритуалисты настаивают, что они это уже продемонстрировали.

Поэтому становится очевидным, что позицию теософа, или скорее оккультиста, намного труднее соотнести с современной наукой, чем даже позицию спиритуалиста, ибо большинство людей науки питают отвращение не к явлениям как таковым, но к природе предполагаемого действующего фактора. Если, в случае "спиритических" феноменов против них выступают только материалисты, то в нашем случае это не так. Теория "духов" должна спорить только с теми, кто не верит в сохранение души человека. Оккультизм поднимает против себя целый легион академий; помещая на второе место (если вообще не на задний план) любой сорт "духов", добрых, злых и безразличных, он отваживается отрицать несколько наиболее существенных научных догм; и в этом случае равным образом возмущены и идеалисты, и материалисты от науки, ибо и те и другие, сколь бы не расходились они по своим личным взглядам, выступают под

одним и тем же знаменем. Имеется лишь одна наука, даже если в ней и существуют две различные школы — *идеалистическая* и *материалистическая*; и обе они равным образом являются авторитарными и *ортодоксальными* в научных вопросах. Немного было среди нас тех, кто требовал научного мнения об оккультизме, кто думал об этом, или понимал важность этого. Наука, пока она полностью не перестроится, не может вмешиваться в оккультные исследования. Оккультные явления, если даже их исследовать самыми современными научными методами, окажутся во много раз более трудными для объяснения, чем ясные и простые спиритические.

После того, как мы в течение почти десяти лет пытались разобраться в аргументах многих ученых оппонентов, которые или признавали, или отрицали эти феномены, сейчас делается попытка решительно поставить этот вопрос перед теософами. После того, как они прочтут то, что я должна сказать, до конца, им останется использовать свои суждения по существу дела и решить, имеется ли у нас хотя бы капля надежды получить в этой четверти века если не эффективную помощь, то во всяком случае возможность быть беспристрастно выслушанными для пользы оккультных наук. Мне кажется, что мы не можем ожидать этого ни от кого, и даже от тех, чье внутреннее чувство заставило их принять реальность медиумических явлений.

И это естественно. Каковы бы они ни были, они являются людьми современной науки, хотя бы до того они и были спиритуалистами; и если не все, то, во всяком случае, некоторые из них скорее отреклись бы от своей связи, и своей веры в медиумов и спиритов, чем от каких бы то ни было значительных догм ортодоксальной науки. И они отвергли бы тех немногих, которые обратились бы к оккультизму и приблизились к порогу великой Тайны, движимые духом истинного исследования.

В этом и состоит та сложность, которая лежит в основе нынешних затруднений теософии; и несколько слов, сказанных по этому вопросу, не могут быть несвоевременными, тем более, что вся эта проблема пребывает в скрытом виде. Те теософы, которые не являются оккультистами, не говоря уж о людях науки, не могут помочь исследователям. Оккультисты-теософы работают по определенным направлениям, за пределы которых *они не осмеливаются выйти*. Их уста замкнуты, их объяснения и демонстрации ограничены. Что они могут сделать? Наука никогда не удовлетворится объяснением наполовину.

Знать, сметь, хотеть и хранить молчание — это столь хорошо известный девиз каббалистов, что кажется совершенно излишним повторять его здесь. Все же это может иметь смысл как напоминание. Ибо мы говорим или *слишком много*, или *слишком мало*. И я очень сильно опасаюсь, что справедливо первое. Если это так, то мы уже искупили нашу вину за это, поскольку мы первые пострадали за то, что говорили *слишком много*. Даже эта малость позволила ввергнуть нас в ужасные трудности четверть века назад.

Наука (я имею ввиду западную науку) должна продвигаться по строго определенным направлениям. Она гордится своей силой наблюдения, индукции, анализа и способностью делать выводы. Если ей предстоит исследовать явление

аномальной природы, она должна проанализировать его до самого основания, или оставить его в покое. Именно это она и должна делать, и, как мы показали, она не может использовать какие-либо другие методы, кроме индуктивных, основанных исключительно на показаниях физических чувств. Если же эти чувства, вместе с научной *проницательностью*, окажутся не соответствующими задаче, то исследователи обратятся за помощью к полиции, и не решатся ее использовать, как это было в истории на примере Лоудана, Салема Витчкрафта, Морзина и др.: Королевское общество призывающее Скотланд-ярд, и Французская академия — своих собственных *стукачей*, которые будут, конечно, действовать своим собственным путем, похожим на работу детективов, для того, чтобы помочь науке выйти из затруднений. Будут выбраны два-три случая "исключительно подозрительного характера" (разумеется, с внешней стороны), а остальные будут объявлены не имеющими значение и как зараженные, от этих избранных. Показания очевидцев будут отвергнуты, а свидетельства недоброжелательных людей, говорящих на основании слухов, будут приняты как "неопровержимые". Пусть читатель обратится к двадцатитомным трудам де Мирвиля и де Муссо, охватывающим свыше ста лет напряженных исследований различных явлений, проводимых наукой, и он сможет лучше оценить способы, которыми в таких случаях действовали люди науки, и часто — весьма почтенные.

Чего же можно ожидать в таком случае даже от *идеалистической* школы науки, приверженцы которой составляют столь малое меньшинство? Они являются трудолюбивыми исследователями, и некоторые из них открыты любой истине без исключения. Даже в том случае, если бы они не утратили свое лицо, если бы имевшиеся у них взгляды оказались ошибочными, в ортодоксальной науке имеются такие догмы, через которые они *никогда бы не осмелились переступить*. Таковы, например, их аксиоматические представления о законе гравитации, а также современной концепции Силы, Материи, Света и т. д., и т. п.

В то же время мы должны иметь ввиду действительное состояние цивилизованного человечества, и не забывать о том, каково отношение его культурных классов к любой идеалистической школе мысли, не говоря уж о какой-нибудь оккультной проблеме. С первого же взгляда мы обнаруживаем, что две трети из их числа поражены тем, что может быть названо грубым и практическим материализмом.

"Теоретическая материалистическая наука не признает ничего, кроме МАТЕРИИ. Материя — это ее божество, ее единственный Бог". Нам говорят, что практический материализм, с другой стороны, имеет дело лишь с тем, что прямо или косвенно приводит к личной пользе. "Золото является ее идолом", — справедливо отмечает профессор Бутлеров¹⁸ (спиритуалист, который, однако, никогда не мог принять даже элементарных истин оккультизма, поскольку он "не может понять их"). — "Груда материи", — добавляет он, — "любимая субстанция теоретических материалистов, превращается в кучу мусора в нечистых руках этического материализма. И если первые придают лишь небольшое значение внутренним (психическим) состояниям, которые недостаточно совершенно обнаруживаются во внешних показателях, то последние полностью игнорируют внутренние состояния жизни... Духовный аспект жизни не имеет никакого значения для практического материализма, поскольку все заключено для них во

внешнем. Восхищение этим внешним находит свое главное оправдание в догмах материализма, который его и легализовал".

Это дает ключ к пониманию всей ситуации. Теософам, и особенно оккультистам, нечего, таким образом, ожидать от материалистической науки и материалистического общества.

Поскольку такое положение вещей принято в качестве *повседневного распорядка* нашей жизни, — хотя мы и верим, что то, что мешает высочайшим нравственным устремлениям человечества, не может быть долговечным, — что же мы можем поделать кроме того, чтобы смотреть вперед с надеждами на лучшее будущее? Вместе с тем, никогда не следует терять мужества; ибо если материализм, который разрушил небеса и стихии, и чей выбор состоял в том, чтобы сделать из безграничного Космоса не вечное жилище, но темную и ограниченную могилу, отказывается взаимодействовать с нами, мы не можем сделать ничего лучшего, чем оставить его в одиночестве.

Но, к сожалению, этого не происходит. Никто не говорит больше, чем материалист, о точности научного наблюдения, о правильном использовании чьих-либо чувств или разума, тщательно освобожденных от каких-либо предвзятостей. Однако, привилегия говорить в пользу феноменов, исследованных в том же самом научном духе беспристрастия и справедливости, будет дана ученому не ранее, чем его показания станут не заслуживающими внимания. "Однако, если столько научных умов", — пишет профессор Бутлеров, — "привыкших за многие годы обучения к тончайшим наблюдениям и проверкам, удостоверяют определенные факты, тогда кажется *prima facie* (на первый взгляд) невероятным, что бы они все вместе ошибались". "Но они *ошибаются*, и наиболее смехотворным образом", — отвечают его оппоненты; и в этот раз мы с ними заодно.

Это возвращает нас к старой аксиоме эзотерической философии: "*ничто из того, что не существует где-либо, — в видимом или невидимом космосе, — не может быть воспроизведено в действительности, или даже в человеческой мысли*".

"Что это за бессмыслица?" — воскликнул бы воинственный теософ, выслушав это. — "Предположим, я думаю об одушевленной башне с комнатами внутри нее и о человеческой голове, приближающейся ко мне и говорящей со мной. Может ли быть такое во вселенной?"

"Или попугаи, вылупляющиеся из миндальных орехов?" — скажет другой скептик. Почему бы и нет? — был бы ответ — но, конечно, не на этой земле. Но откуда мы знаем, что не может быть таких существ, которые вы описываете, — башнеподобных тел и человеческих голов — на какой-либо другой планете? По словам Пифагора: воображение — это ни что иное, как память о предшествующих рождениях. Вы сами могли быть таким "человеком-башней" для тех, кого вы знаете, с комнатами внутри вас, в которых ваша семья находит убежище, подобно маленьким кенгуряткам. Что касается попугаев, вылупляющихся из миндальных орехов, — то никто не может поклясться, что такого никогда не было в природе, в далекие-далекие дни, когда эволюция в большом количестве порождала еще более

удивительные явления. Птица, вылупляющаяся из древесного плода, — это может быть одно из тех бесчисленных слов, утраченных эволюцией так много лет назад, что даже последний отголосок его эха исчез в шуме Потопа. "Минерал становится растением, растение — животным, животное — человеком", и т. д., — говорят каббалисты.

Говоря о показаниях и о надежности чувств, следует отметить, что даже величайшие люди науки были некогда уличены в том, что они не только верят в это, но и учат этому *как истинно научному факту*.

"Когда же это было?" — последовал бы недоверчивый вопрос. "Не так уж давно, в конце концов; примерно 280 лет назад, в Англии". Странная вера в то, что существует некий вид морских птиц, которые вылупляются из определенного плода, до самого конца XVI века ограничивался не только жителями английских портовых городов. Было время, когда большинство ученых твердо считали это фактом. Определенные деревья, произрастающие на побережье моря (походящие на магнолию), ветви которых, обычно, были погружены в воду, имели плоды, которые, как это утверждалось, постепенно превращались в определенный вид ракообразных, из которых уже через некоторое время возникала морская птица, известная в старых книгах по естественной истории как "Морская утка". Некоторые натуралисты считали эту историю бесспорным фактом. Они наблюдали и исследовали ее многие годы, и "это открытие" было принято и одобрено величайшими авторитетами своего времени, и опубликовано под покровительством некоторых ученых обществ. Одним из таких ученых, верящих в "морскую утку", был Джон Джерард, ботаник, который известил мир об этом удивительном феномене в своей ученой работе, опубликованной в 1596 году. В этой книге он описывает это явление и объявляет его *"фактом, о котором свидетельствуют его собственные чувства"*. "Я видел это сам", — говорит он, — "проверяя плод-яйцо день за днем", лично наблюдая за его ростом и развитием, и ему удалось присутствовать при рождении одной такой птицы. Сначала он увидел ноги птицы, медленно выползающие из разбитой скорлупы, затем и все тело маленькой морской утки, "которая сразу же начала плавать".¹⁹ Ботаник был столь уверен в истинности всего этого, что он оканчивает свое описание приглашением к любому, кто сомневается в реальности того, что он видел, придти и встретиться с ним, Джоном Джерардом, и тогда он сделал бы его очевидцем всего происходящего. Другой английский ученый, бывший в свое время авторитетом, Роберт Мюррей, ручается за реальность трансформации, очевидцем которой он также был.²⁰ Другие ученые, современники Джерарда и Мюррея, — Фанк, Алдрованди и многие другие, — разделяли это убеждение.²¹ Итак, что же можно сказать об этой "морской утке"?

Ну, я, скорее, назвала бы это "уткой Джерарда-Мюррея", и этим все сказано. И нет никакой причины смеяться над такими ошибками ученых старого времени. Не пройдет и двухсот лет, как наши потомки будут иметь гораздо лучший повод посмеяться над современными поколениями академиков и их последователями. Но отвергающий эти феномены, тот, кто цитировал историю "о морской утке", совершенно прав; хотя этот пример прокладывает, конечно, оба пути, и если кто-то рассматривает это как доказательство того, что даже научные авторитеты, верящие в спиритуализм и феномены, могут сильно заблуждаться несмотря на все

свои наблюдения и научное образование, то мы можем направить это оружие в другую сторону и считать приведенные факты доказательством того, что никакая "проницательность" и поддержка со стороны науки не могут доказать феномен, "относящийся к мошенничеству и излишней доверчивости", хотя бы очевидцы и принимали его по меньшей мере за факт. Это лишь показывает, что доказательства, полученные от научных и хорошо тренированных чувств и наблюдений, могут быть столь же ошибочными, как и у любых других смертных, особенно в тех случаях, когда феноменальные проявления пытались опровергнуть. Даже коллективное наблюдение не приводит ни к чему, если феномен относится к плану бытия, названному (в данном случае неуместно) некоторыми учеными четвертым измерением пространства, и когда другие ученые, исследующие его, не имеют *шестого чувства*, соответствующего этому плану.

В литературной полемике, произошедшей несколько лет назад между двумя выдающимися профессорами, было немало сказано об этом, ныне вновь знаменитом, четвертом измерении. Один из них, говорящий читателям, что он признает возможность лишь "земных естественных наук", то есть, точной или индуктивной науки, "или точного исследования только тех феноменов, которые имеют место в наших *земных состояниях пространства и времени*", утверждает, что он никогда не сможет позволить себе проглядеть возможности будущего. "Я бы напомнил моим коллегам", — добавляет профессор-спиритуалист, — "что наши выводы из того, что мы уже установили благодаря исследованию, должны идти много дальше нашего чувственного восприятия. Границы нашего чувственного знания должны быть подвергнуты постоянному расширению, и границы дедукции — еще большему. Кто сейчас осмелится определить эти границы в будущем? Существовая в трехмерном мире, мы можем проводить наши исследования и делать наши наблюдения лишь относительно того, что находится в этих трех измерениях. Но что же мешает нам думать о пространстве с большим числом измерений и создавать геометрические построения в соответствии с этим? Оставляя реальность пространства четвертого измерения на время в стороне, мы можем все же перейти к исследованию возможности, нельзя ли в нашем трехмерном мире иногда встретиться с феноменами, которые могут быть объяснены лишь при предположении существования четырехмерного пространства". Другими словами, "нам следует установить, может ли что-либо принадлежащее к четырехмерным сферам проявиться в нашем трехмерном мире и не может ли оно отражаться в нем"?

Оккультист ответил бы, что наши чувства совершенно неоспоримым образом могут достигать этого плана, и не только в четырехмерном, но даже в пяти и шестимерном мире. Эти чувства должны стать достаточно *спиритуализированными* для этого, поскольку только наше внутреннее чувство может стать медиумом для такой передачи. Подобно тому, как "проекция объекта, существующего в пространстве трех измерений, может появиться на плоской поверхности двухмерного экрана", — четырехмерные существа и предметы могут *отражаться* в нашем трехмерном мире грубой материи. Но, как и от опытного физика требуется убедить свою аудиторию в том, что вещи, "реальные как жизнь", которые они видят на экране, это не тени, но реальности, так же потребовался бы более мудрый человек, чем кто-нибудь из нас, чтобы

убедить какого-либо человека науки (и тем более группу ученых), что то, что он видит отраженным на нашем трехмерном "экране", может быть иногда и при определенных условиях вполне реальным явлением, созданным "силами четырехмерного пространства" и отраженным от них для его собственного удовольствия и для того, чтобы убедить его. "Ничто так не обманчиво с виду, как голая правда", — гласит каббалистический афоризм; — "истина часто причудливей, чем любой вымысел", — это всемирно известная аксиома.

Требуется кто-то больший, чем человек нашей современной науки, чтобы осознать такую возможность, как взаимный обмен феноменами между двумя мирами, видимым и невидимым. Необходим в высшей степени духовный или исключительно тонкий, впечатлительный интеллект, чтобы интуитивно отличить реальный от нереального, естественный от искусственно изготовленного "экрана". Однако, наш век является реакционным, висящим на самом конце циклического витка, или того, что от него осталось. Этим объясняется поток феноменов, так же как и слепота определенных людей.

Что же отвечает материалистическая наука на идеалистическую теорию четырехмерного пространства? "Как", — восклицает она, — "неужели вы можете заставить нас, ограниченных внутри трехмерного пространства, даже думать о пространстве с большим числом измерений! Как это возможно думать о том, что наша человеческая мысль никогда не может вообразить или представить даже в самом туманном виде? Необходимо быть существом совершенно отличным от человека, одаренным совершенно другой психической организацией; коротко говоря, нужно быть не человеком для того, чтобы быть способным мысленно представить четырехмерное пространство, то есть нечто, обладающее длиной, шириной, толщиной — и чем еще?"

Воистину, "что еще?" — поскольку никто из людей науки, защищающих ее, вероятно лишь потому, что они являются искренними спиритуалистами, озабоченными объяснением феноменов посредством этого пространства, по-видимому сами этого не знают. Является ли это "прохождением материи через материю"? Тогда почему они должны настаивать на том, что это является "пространством", тогда как это просто другой *план существования*, — или, во всяком случае, то, что следовало бы подразумевать под этим, — если это имеет какой-либо смысл. Мы, оккультисты, говорим и настаиваем на том, что если требуется некое имя для того, чтобы оно удовлетворяло материальным представлениям о человеке в нашем низшем плане, давайте называть его индийским именем *махас* (или махалока), — именем четвертого мира высшей семеричности, тем, которое соответствует *расатала* (четвертой из семи струн низших миров), — четырнадцати миров, которые "возникают из пятикратного набора элементов"; поскольку оба эти мира окружают современный нам мир четвертого цикла. Каждый индус поймет, что это означает. *Махас* — это высший мир, или, скорее, план существования; а тот план, к которому принадлежит муравей, о котором говорилось выше, он, возможно, самый низкий из низших семеричных систем. И если они назовут его так — они будут правы.

Поистине, люди говорят об этом четырехмерном пространстве, как будто оно является местностью — сферой, вместо того, чтобы быть тем, что оно есть — то

есть совершенно отличным состоянием бытия. С тех самых пор, когда это представление воскресло в сознании людей благодаря профессору Цельнеру, это приводило к бесконечной путанице. Как же это произошло? Благодаря глубокому математическому анализу, спиритуалистически мыслящий ученый наконец пришел к достойному похвалы заключению, что наши представления о пространстве не могут быть непогрешимыми, и что совершенно не доказано то, что, исходя из наших математических вычислений, невозможно допустить существования во Вселенной пространств с большим или меньшим числом измерений. Но, как это хорошо выразил один скептик, — "признание возможности существования пространств с иным количеством измерений, чем наше, не дает нам (высшим математикам) ни малейшего представления о том, чем являются эти измерения в действительности. Принятие существования высшего "четырёхмерного" пространства похоже на признание бесконечности: такое признание не дает нам ни малейшей помощи благодаря которой мы сами смогли бы представить какое-либо из них... все, что мы знаем о таких высших пространствах — это то, что они не имеют ничего общего с нашими представлениями о пространстве" ("Научные письма").

"Наше представление" — означает, конечно, представление *материалистической* науки, оставляющее весьма много места для других, менее научных, но вместе с тем более духовных умов.

Для того, чтобы показать безнадежность использования материалистически мыслящего ума для познания, или даже для попытки понять в наиболее далеком и туманном смысле, существование среди нас, в нашем трехмерном мире иных высших планов бытия, я процитирую наиболее интересные возражения, сделанные одним из двух наших ученых оппонентов,²² уже упомянутым ранее, в отношении этого "пространства".

Он спрашивает: "Можно ли представить как объяснение определенных феноменов действие такого фактора, о котором мы совершенно ничего не знаем, и мы являемся несведущими даже в отношении его природы и способностей?"

Может быть, есть такие люди, которые могут что-то "знать", которые не являются столь безнадежно несведущими. Если бы обратились с этим к оккультисту, он бы сказал: "Нет; *точная* физическая наука должна отвергнуть саму эту возможность, иначе такая наука стала бы *метафизической*. Это явление не может быть подвергнуто анализу — и поэтому объяснено на основании биологических или, даже, физиологических данных. Тем не менее, это возможно с помощью индукции — как, например, *гравитация*, о которой мы знаем не больше чем то, что результаты ее действия могут наблюдаться в нашем трехмерном мире".

Опять-таки, во-первых, "Говорят", (защитники этой теории), "что мы живем *исключительно* в нашем трехмерном пространстве! "Может быть" (*исключительно*) "поэтому мы имеем возможность осознавать только такое пространство, и абсолютно неспособны, в соответствии с нашей организацией, к познанию каким-либо иным, кроме нашего трехмерного, способом!"

Во-вторых, другими словами, "даже наше трехмерное пространство не является чем-то *существующим независимо*, но представляет собой лишь продукт нашего понимания и восприятия".

На первое утверждение оккультизм отвечает, что "невозможность познания" какого-либо другого пространства, кроме трехмерного, приводит к тому, что мы оставляем все остальные в покое. Но она вовсе не "обусловлена нашей (человеческой) организацией", но лишь строением интеллекта тех людей, кто не способен понять чего-либо иного; тех людей, чей организм неразвит духовно и даже ментально в правильном направлении. На второе утверждение следует возразить, что "оппонент" абсолютно ошибается в первой и совершенно прав во второй части своего заявления. Ибо, хотя "четвертое измерение" — если мы должны называть его таким образом — существует не в большей степени *независимо* от нашего восприятия и чувств, нежели наше *воображаемое* трехмерное пространство; оно представляется для существ, рожденных и развившихся в нем, не только некой местностью, но "продуктом *их* понимания и восприятия". Природа никогда не проводит столь строгих линий разделения, не возводит непреодолимых стен, и ее непроходимые "пропасти" существуют лишь в скучных концепциях некоторых натуралистов. Два (и более) "пространства", или плана бытия, являются в достаточной степени смешанными друг с другом для того, чтобы сделать возможной связь между теми из их обитателей, кто способен познавать и высший, и низший планы. И могут быть интеллектуальные существа с двойственной природой так же, как есть и земные амфибии.

Возражающий против существования плана с четырьмя измерениями жалуется на то, что раздел высшей математики, известной сегодня под именем "метаматематика", или "метагеометрия", неправильно используется спиритуалистами. Они "хватаются и держатся за него, как за спасительный якорь". Его аргументы, по меньшей мере, странны. "Вместо того, чтобы доказать реальность своих медиумических феноменов", — говорит он, — "они объясняют их с помощью гипотезы о четвертом измерении". Видим ли мы руку Кэти Кинг, которая исчезает в "неизвестном пространстве" — немедленно на авансцене — то есть *четвертом* измерении; развязываем ли мы узлы на веревке, оба конца которой скручены и склеены — опять-таки это четвертое измерение. С этой точки зрения пространство рассматривается как нечто объективное. Верят, что в природе действительно существуют трех, четырех и пятимерное пространства. Но, во-первых, таким образом мы можем достигнуть с помощью математического анализа бесконечной серии *пространств*. Подумать только, что стало бы с точной наукой, если бы для объяснения феноменов призывались на помощь такие гипотетические *пространства*. "Если бы одно не помогло, мы могли бы обратиться к другому, более высшему, и так далее..."

О, бедный Кант! и все же нам говорят, что одним из его фундаментальных принципов было то, что наше трехмерное пространство не является абсолютным; и что "даже в отношении таких аксиом, как аксиомы эвклидовой геометрии, наше знание и наука могут быть лишь относительно точными и реальными".

Но почему в том, что спиритуалисты пытаются объяснить свои феномены на этом плане, видят опасность для точной науки? И каким иным способом могли бы они объяснить то, что необъяснимо, и что мы анализируем с помощью трехмерных представлений земной науки, если не посредством концепции четвертого измерения? Никакой здравомыслящий человек не станет объяснять "Демона" Сократа формой носа мудреца; или приписывать вдохновение "Света Азии" формой черепа м-ра Эдвина Арнольда. Что стало бы с наукой — на самом деле, если бы феномены оставались объясненными с помощью таких гипотез? Мы надеемся, что с наукой не произойдет ничего худшего, чем уже случилось после принятия Королевским обществом современной теории *света* на основании гипотезы универсального *эфира*. Эфир — это не в меньшей мере "продукт нашего представления", чем пространство. И если мы принимаем первое, то почему мы отрицаем второе? Потому ли, что одно может быть воплощено в наших представлениях, или, как мы скажем, должно быть воплощено, поскольку не было другого способа для объяснения света; и что другое, будучи бесполезным в качестве гипотезы для целей точной науки, — нет?

Поскольку это имеет отношение к оккультистам, они действуют вместе с приверженцами строгой ортодоксальной науки, когда на предложение проделать "эксперимент и наблюдать, могут ли встречаться в нашем трехмерном мире феномены, объяснимые только гипотезой о существовании пространства четырех измерений", отвечают согласием. "Да", — говорят они, — "но даст ли эксперимент и наблюдения нам удовлетворительный ответ на наш вопрос о реальном существовании высшего четырехмерного пространства? или, решит ли он для нас дилемму, неразрешимую со всех сторон, с какой бы к ней подходить? Каким образом могут наше человеческое наблюдение и наши человеческие эксперименты, возможные только *исключительно* в пределах трех измерений, послужить нам отправной точкой для познания феномена, который может быть объяснен *только если мы примем существование четырехмерного пространства?*"

Мы полагаем, что вышеприведенное возражение совершенно справедливо; и спиритуалисты были бы в проигрыше, если бы они когда-нибудь доказали существование такого пространства или его вмешательства в своих феноменах. Посмотрите, что тогда получится! В том, что, например, кольцо проходит через плоть и переходит из рук медиума на руки исследователя, держащего его за обе руки; или, опять-таки, что цветы или другие материальные предметы проносятся через закрытые двери или стены; и что, поэтому, благодаря определенным исключительным условиям, материя может проходить сквозь материю, — показать это и убедить людей науки в этом факте можно будет не раньше, чем вся теория спиритического действия и разумного вмешательства рассыплется в пыль. Трехмерное пространство не могло бы ничему помешать, поскольку прохождение одного тела через другое не имеет отношения даже к метагеометрическим измерениям, и материя при этом была бы наделена учеными людьми еще одним свойством, что усилило бы позиции материалистов. Стал бы мир ближе к решению тайны психики? Будут ли ближе к осуществлению самые благородные устремления человечества после того, как они узнают о действительном духовном существовании тех планов бытия, которые ныне смешаны с "четырёхмерным

пространством", благодаря тому, что точная наука примет как физический закон действие одного человека, умышленно проходящего через физическое тело другого человека, или через каменную стену? Оккультные науки учат нас, что в конце четвертой расы, материя, которая эволюционирует, прогрессирует и видоизменяется, как и мы вместе с остальным царством природы, приобретет свое четвертое чувство, как это происходит с каждой новой расой. Поэтому, для оккультиста нет ничего удивительного в идее, что физический мир должен развиваться и приобретать новые способности, — то есть произойдет простая модификация материи, новая, как это кажется сегодня науке, столь же непостижимая, сколь были вначале силы течения, звука, электричества. Но что кажется удивительным, так это духовный застой в интеллектуальном мире и в мире высшего экзотерического знания.

Тем не менее, никто не может воспрепятствовать прогрессу даже в малейшем цикле или ускорить его. Но, вероятно, прав был Тацит, говоря: "Истина создается благодаря исследованию и времени; ложь процветает благодаря опрометчивости". Мы живем в век пара и безумной активности, и истина вряд ли может рассчитывать на понимание в этом столетии. Оккультист ожидает благоприятного времени для себя.

"Теософист", апрель-май 1886 г.

¹ *Bulletin de la Societe d'Anthropologie*, 3 fasc. p. 384.

² "Космос", том I, стр. 3 и 76.

³ "О силах, и т.д."

⁴ "La Presse", 10 июля 1840 г.

⁵ Сложный греческий термин, созданный на медицинских факультетах в России.

⁶ От слова "невроз".

⁷ "Медицинский словарь".

⁸ "Галлюцинация", стр. 3.

⁹ См. "Словарь медицинских терминов"

¹⁰ Общение с богами.

¹¹ "Annales d'Oculistique", ноябрь и декабрь 1882 г. - "Jornal de Medicine de l'Ouest", 4-й квартал за 1882 г.

¹² Воеводский, "Введение в мифологию "Одиссеи".

¹³ "Эссе о вакхических культах индоевропейских народов".

¹⁴ Профессор Овсяннико-Куликовский, автор эссе "О вакхических культах".

¹⁵ См. "Эзотерический буддизм" — циклы, мировые периоды и подрасы. Глава, на которую дается ссылка, появится в "Тайной Доктрине", которая вскоре будет опубликована.

¹⁶ Пример жителей Кашмира, особенно это касается девушек, которые производят платки, приведен в "Изиде". Они воспринимают на 300 оттенков больше, чем доступно европейцам.

¹⁷ "Научные письма", X.

¹⁸ "Научные письма", X.

¹⁹ Из "Научных Писем", письмо XXIV, "Против научного доказательства в вопросе о феноменах".

²⁰ Он говорит об этом превращении в таких словах (перевод с латинского): "В каждой раковинке, которую я открывал, после превращения плода в ракушку, я находил точную, хотя и миниатюрную копию морской птицы: маленький клюв, похожий на гусиный, и хорошо различимые глаза; голова, шея, грудь, крылья, уже сформированные ноги, хорошо выраженные перья хвоста, окрашенные в темный цвет, и т. д., и т. п."

²¹ Очевидно, что эта идея была общепринятой во второй половине 17-го века, поскольку она нашла свое место в "Гудибрасе", прекрасно отражающем взгляды своего времени:

*Как слизняки в петухов индейских
Превращаются на островах Оркнейских.*

²² "Научные письма", 1883 г., опубликованы в "Новом времени", Санкт-Петербург.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

